

- система и приговор действительности. Саратов, 1976. С. 64). Тем не менее первый ход в этом поединке взглядов – почти всегда со стороны человека.
- ¹⁸ Гоголь Н. Указ. соч. С. 49–50, 50, 54, 96, 128.
- ¹⁹ Гончаров С. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб., 1997. С. 80.
- ²⁰ Гоголь Н. Указ. соч. С. 29.
- ²¹ Там же. С. 65, 73, 74.
- ²² Там же. С. 143.
- ²³ Там же. С. 149.
- ²⁴ Там же. С. 161.
- ²⁵ Мы оставляем за рамками данного исследования «Записки сумасшедшего», так как картина мира в этом

- тексте формируется иначе, чем в других петербургских повестях: вместо скрещивающихся перспектив зрения персонажей – литературная (дневник) обработка болезненного восприятия мира рассказчиком Поприщиним.
- ²⁶ Гоголь Н. Указ. соч. С. 49, 52, 158.
- ²⁷ Там же. С. 36, 75.
- ²⁸ См. об этом: Белый А. Указ. соч. С. 127, 179; Виролайнен М. «Миргород» Н. В. Гоголя (проблемы стиля): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980. С. 154–155; Зарецкий В. Указ. соч. С. 32, 84.
- ²⁹ Белый А. Указ. соч. С. 181.
- ³⁰ Гоголь Н. Указ. соч. С. 111.
- ³¹ Там же. С. 134.

УДК 821.161.1.09-3+929 Гоголь

НЕМЕЦКАЯ ТЕМА В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЁРТВЫЕ ДУШИ»

Д. Л. Рясов

Саратовский государственный университет
E-mail: rjasow@mail.ru

В статье рассматриваются различные упоминания немцев и Германии в поэме Гоголя «Мёртвые души» и, как следствие, восприятие самим автором немецкой ментальности в период создания произведения.

Ключевые слова: Гоголь, «Мёртвые души», немцы, Германия, национальный стереотип.

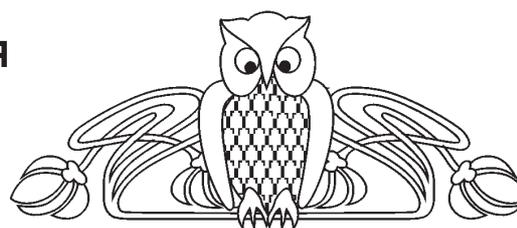
German Theme in N. V. Gogol's Poem *Dead Souls*

D. L. Rjasov

The article regards different occurrences of Germans and Germany in Gogol's poem *Dead Souls* and, consequently, the author's own perception of German mentality during the time when he was working on the poem.

Key words: Gogol, *Dead Souls*, Germans, Germany, national stereotype.

Когда речь заходит о немецкой теме в произведениях Н. В. Гоголя, прежде всего, вспоминаются юношеская идилия «Ганц Кюхельgarten», персонажами которой являются жители романтически изображённой германской деревни, и, разумеется, повесть «Невский проспект» с его колоритными ремесленниками Шиллером и Гофманом. Можно назвать ещё несколько интересных образов, представленных в гоголевской драматургии: лекаря Гибнера из «Ревизора», шулера Крутеля из «Игроков», чиновника Шрейдера из незаконченного «Владимира третьей степени». Однако если мы обратимся к поэме «Мёртвые души», то не сможем припомнить ни одного значимого немецкого персонажа. Но всё же, если присмотреться к тексту, можно отыскать в нём самые разные упоминания о немцах и Германии.

Как и для чего используется немецкая тема в повествовании, мы и постараемся выяснить.

Вопрос о жанре «Мёртвых душ» постоянно обсуждается в литературоведческой науке. Для нас важно, что помимо этого произведения у Гоголя было ещё одно сочинение, являющееся поэмой в традиционном смысле этого понятия, – уже упомянутая «идилия в картинах» «Ганц Кюхельgarten», в котором нашли отражение юношеские мечты автора о романтической Германии, родине великих поэтов и философов. В этом отношении интересно замечание В. В. Зеньковского о том, что писатель «начал свою литературную жизнь “поэмой” (“Ганц Кюхельgarten»), поэмой же он и кончил («Мертвые души»)»¹. Можно даже говорить о некоей отдалённой внутренней мотивной связи обоих произведений.

После провала «Ганца» желание создать поэму не покидало Гоголя, и в итоге он воплотил свою мечту в «нестандартной», лиро-эпической форме. В «Ганце» Гоголь воспеваает до того никогда прежде не виданную им Германию, представления о которой формировались под влиянием произведений Гёте и Шиллера, а также мифа о «романтической Германии», существовавшего в России в первые десятилетия XIX в. Знаменательно, что в финале шестой главы первого тома «Мёртвых душ» возникает тема отрезвления двадцатилетнего, романтически окрыленного и замечтавшегося петербуржца: «Чего нет и что не грезится в голове его? он в небесах и к Шиллеру заехал в гости – и вдруг раздаются над ним, как гром, роковые слова, и видит он, что вновь очутился на земле, и даже на Сенной площади, и даже близ кабака, и вновь пошла по-будничному щеголять перед

ним жизнь»². Юноша сильно напоминает самого автора, мечтателя-провинциала, когда тот, будучи совсем ещё неопытным литератором, после написания своего первого крупного сочинения сталкивается с тяготами и странностями реальной жизни в российской столице и разочаровывается в своих прекраснотушних снах наяву.

«Вся Русь явится в нем! Это будет моя первая порядочная вещь, вещь, которая вынесет мое имя» (XI, 74), – вот известное признание Гоголя из письма В. А. Жуковскому о замысле поэмы «Мёртвые души». На первый взгляд, в ней вовсе не нашлось места русским немцам, хотя они к той поре по-настоящему успели уже стать неотъемлемой составной частью отечественной социально-культурной реальности. Об этом пишет, в частности, историк С. В. Оболенская: «... среди них <русских немцев> были предприниматели, финансисты, торговцы, офицеры, дипломаты, чиновники, ученые, учителя, врачи, аптекари, художники и множество мастерового люда»³.

Упоминания о немцах, однако, разбросаны по всему тексту поэмы «Мёртвые души». Впервые мы сталкиваемся с ними уже в первой главе. Чичиков читает театральную афишу, в которой говорится о драме «г. Коцебу, в которой Ролла играл г. Поплёвин, Кору – девица Зяблова, прочие лица были и того менее замечательны» (VI, 12). Речь идёт о невероятно популярном драматурге времён Гоголя Августе Фердинанде фон Коцебу и его пьесе «Испанцы в Перу, или Смерть Роллы». Писатель не понаслышке был знаком с сочинениями этого автора: в гимназии он вместе с другими учениками даже принимал участие в постановке его пьесы. По всей видимости, Гоголь не слишком серьёзно относился к творениям немца. «Последняя, пустейшая комедийка Коцебу в сравнении с нею <с комедией «Ревизор»> Монблан перед Пулковскою горою» (V, 141) – вот слова одного литератора из гоголевского «Театрального разъезда».

Следующее упоминание немца мы находим в начале второй главы, когда Гоголь знакомит читателя с Петрушкой и Селифаном. Хотя персонажи эти не столь «заметные», по выражению писателя, он считает необходимым написать о них поподробнее, так как «любит чрезвычайно быть обстоятельным во всем, и с этой стороны, несмотря на то, что сам человек русский, хочет быть аккуратен, как немец» (VI, 19). Подобное шутовское по тону сравнение примечательно. Гоголь не просто показывает очередную типичную немецкую черту, он противопоставляет разные национальные характеры. И, может быть, благодаря такому «немецкому» подходу (обстоятельному, подчас комически педантичному вниманию к мельчайшим деталям, скрупулёзным подробностям и т. п.) Гоголю и удалось создать столь запоминающуюся галерею завораживающе точных в своей определенности, живых образов. Однако, как подмечает Ю. В. Манн, после обещания автора

подробнее рассказать о слугах Чичикова «следует лишь характеристика Петрушки, а о Селифане лишь сообщается, что он «был совершенно другой человек»»⁴. Получается, что собственное желание повествователя стать в чём-то похожим на предельно аккуратного немца-педанта в поэтической практике реализуется в сопряжённой автору стилистически вольной и прихотливо изобретательной манере письма.

Надо сказать, что в тексте «Мёртвых душ» противопоставления русских людей немцам, да и представителям других наций, встречаются часто. Яркий пример подобного сравнения – в начале главы пятой, когда брочка Чичикова сталкивается с коляской, едущей навстречу. Все мужики из близлежащей деревни пошли посмотреть, что же произошло, «так как подобное зрелище для мужика сушая благодать, всё равно что для немца газеты или клуб» (VI, 91). Непосредственное, привычное для русского мужика любопытство и лицемерие необычного происшествия и его последствий сопоставляется с приметам «немецкой» культурной коммуникации (газеты, клуб).

В «Авторской исповеди» Гоголь писал, что хотел изобразить русского человека «со всем разнообразием богатств и даров, доставшихся на его долю, преимущественно перед другими народами, и со всем множеством тех недостатков, которые находятся в нем, также преимущественно перед всеми другими народами» (VIII, 442). Дважды делая акцент на «других народах», Гоголь подчёркивает важность сопоставления с ними русского человека. Здесь уместно вспомнить о понятиях *национальная идентичность* и *национальный стереотип*. С. Н. Филюшкина отмечает, что оба эти понятия подразумевают желание определённого субъекта (нации, диаспоры, индивида) «осознать свою *инаковость* по сравнению с другим, чужим, нередко даже враждебным»⁵. Именно стремлением понять национальную идентичность своего народа можно объяснить постоянное обращение Гоголя ко всевозможным сравнениям русских с немцами, англичанами и французами, которые чем-то отдалённо напоминают героев современных анекдотов, часто являющихся «мифологизированными этническими типажам <...>, за которыми в массовом сознании закреплены характерные образы, ментальные стереотипы (чаще всего односторонние, условно-схематические) и комические стандарты их поведения»⁶. Подобные «стандарты», о которых пишет языковед В. В. Химик, существовали и во времена Гоголя, и он не мог их не воспринять. С. Н. Филюшкина говорит и о главной черте стереотипного мышления – желании «отделить себя и «своих» от «других», свои национальные признаки от тех, которые якобы принадлежат «аутсайдеру»»⁷. Подобное стремление присутствует и в тексте Гоголя. Особенно ярко оно проявляется в высказываниях повествователя, посвящённых речи и языку. Ведь именно в словесности, в различных формах воплощения

словесной культуры во многом и проявляется национальная идентичность.

Любой народ, по мысли Гоголя, отличается «своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выражении его часть собственного своего характера» (VI, 109). В третьей главе, например, заходит речь о тонкостях обращения в русском языке. «Француз или немец век не смекнет и не поймет всех его особенностей и различий; он почти тем же голосом и тем же языком станет говорить и с миллионщиком и с мелким табачным торгашом» (VI, 49), – пишет Гоголь, обращая внимание на то, как отдельные представители нашего отечества по-разному умеют общаться с обладателями двухсот, трёхсот и более душ. Здесь мы встречаемся с несомненно положительной характеристикой иностранцев, более свободных от подобострастия. Однако вскоре становится различим и стойкий гоголевский мотив сильного и гибкого родного русского слова. В финале пятой главы читаем: «...бывает метко всё то, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племен» (VI, 109). И ещё – сопоставление русского языка с английским, французским и немецким. Вот как говорит писатель о последнем: «...затейливо придумает свое, не всякому доступное умно-худощавое слово немец» (VI, 109). Возможно, в подобной характеристике невольно сокрыто сложное отношение самого автора к немецкому языку. В гимназии этот предмет давался ему с большим трудом, и до конца свободно освоить его писателю так и не довелось.

Особенно волнует автора вопрос о бережном отношении к русской речи. В главе восьмой «Мёртвых душ» он заводит разговор о заилии иностранной лексики и подчёркивает, что от некоторых людей «не услышишь ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наделают в таком количестве, что и не захочешь» (VI, 164–165). Гоголь, уточняя жанровую национально-речевую природу своего произведения, красноречиво заметит, что «не решается внести фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму» (VI, 183).

В тексте поэмы упоминания о немцах можно встретить не только в авторских отступлениях, но и в репликах персонажей. Например, в главе четвёртой Ноздрёв пытается продать Чичикову шарманку, а тот изо всех сил старается отказаться от неё: ««Ведь я не немец, чтобы, тащась с ней по дорогам, выпрашивать деньги». «Да ведь это не такая шарманка, как носят немцы»» (VI, 80), – возражает Ноздрёв. Здесь речь идёт о немцах-бедняках, которых тоже было немало на Руси. «В Петербурге и в Москве жили также немцы, относившиеся к самым низам»⁸, – пишет С. В. Оболенская, припоминая, что у Д. В. Григоровича есть очерк «Петербургские шарманщики», в котором он даёт описание таких людей. Разумеется, Чичи-

кову не хочется уподобляться немцу, а тем более нищему, и потому доводы Ноздрёва не способны его переубедить.

Показательно также ворчливое высказывание Собакевича из главы пятой о немецких и французских докторам: «Выдумали диету, лечить голодом! Что у них немецкая жидкокостая натура, так они воображают, что и с русским желудком сладят!» (VI, 99). Вновь подчёркивается заметное различие в менталитете: сама мысль о самоограничениях в еде кажется дикой русскому помещику. Но не только дворяне говорят о представителях германской нации в поэме Гоголя. В начале третьей главы Селифан ругает чубарого коня: «Ты знай свое дело, панталонник ты немецкой!» (VI, 40). Отметим, что во всех высказываниях наблюдается незлобиво-насмешливое отношение к немцам. Их ругают, ими обзывают, на них не желают быть похожими. Но интонация рассуждений при этом преобладает добродушно-озорная. В главе девятой автор пишет о сольвычегодских купцах, которые устроили для своих приятелей, устьсыольских купцов, «пирушку на русскую ногу, с немецкими заеями: аршадами, пуншами, бальзамами и проч.» (VI, 193). В другом месте упоминаются «совещания, которые составляются для того, чтобы покутить или пообедать, как-то: клубы и всякие воксалы на немецкую ногу» (VI, 198). Гоголь отмечает большую популярность развлечений на немецкий манер среди русских провинциалов. Немецкое влияние распространяется повсеместно: даже у самого Собакевича, который был готов «перевешать» немцев да французов, был «дом в роде тех, какие у нас строят для военных поселений и немецких колонистов» (VI, 93).

Отмечает Гоголь и интерес к трудам немецких учёных. Например, Тентетников из второго тома поэмы слушал лекции о развитии общин отдельных немецких городов. Примечательными являются и взгляды почтмейстера Ивана Андреевича, который любил «философию и читал весьма прилежно, даже по ночам, Юнговы «Ночи» и «Ключ к таинствам природы» Эккартсгаузена» (VI, 156). Возможно, именно за это своё пристрастное увлечение почтмейстер и заслужил комическое обращение товарищей: «шпрехен зи дейч, Иван Андрейч?» (VI, 156). Интерес к немецкой философии, как видим, был настолько велик и всепроникающ, что добрался даже до города NN. Упоминание имени немецкого мистика и философа Карла Эккартсгаузена далеко не случайно. М. Вайскопф высказывает предположение относительно того, что упоминавшийся в немецкой книге ««Обитель смирения» и «Храм самопознания» <...> преобразились в пародийный маниловский «Храм уединенного размышления», а бездушный «Скоточеловек», противопоставляемый грядущему «Духочеловеку», – в Собакевича»⁹. С сочинениями немца Гоголь мог познакомиться ещё в годы ученичества. В. В. Гиппиус в книге «Гоголь. Воспоминания. Письма. Дневники» приводит записи

из архива Нежинской гимназии, где указано, что профессор во время лекции взял книгу Экартсгаузена у одного из учеников, и, надо сказать, счёл её не особо полезной для пансионеров¹⁰.

И граждан европейских княжеств, и переселенцев наши соотечественники именовали одним словом – немцы. Гоголь, скорее всего, и сам сознавал, что восприятие Германии в России основывалось во многом на национальных стереотипах. Занимаясь их рассмотрением, С. Н. Филюшкина обращается, в частности, и к гоголевским сочинениям. В качестве примера она приводит повесть «Тарас Бульба», где писателем были выведены, в частности, персонажи-поляки. Для того чтобы показать истинную драму, автор изображает их по-разному, «то отказываясь от использования стереотипного образа, <...> то привлекая к нему наше внимание»¹¹. На наш взгляд, с таким приёмом мы сталкиваемся и в «Мёртвых душах»: Гоголь обращается к стереотипам лишь тогда, когда ему это художественно необходимо, когда это способствует живописанию колоритных русских национальных характеров. При отходе от стереотипов авторский взгляд становится более объективным, что доказывают и некоторые из приведенных нами примеров (ср.: автор «хочет быть аккуратен, как немец» и др.).

Нельзя не сказать ещё об одном моменте: в «Повести о капитане Копейкине» указывается, в частности, что возможным местом ранения капитана является германский Лейпциг. Известно, что в так называемой «битве народов» под Лейпцигом в октябре 1813 г. союзные русская, австрийская, прусская и шведская армии нанесли окончательное поражение Наполеону. Сама история о похождениях капитана Копейкина легендарна, и Германия, таким образом, также становится частью этой легенды.

Но, пожалуй, самое интересное упоминание немца мы сможем найти в восьмой главе. Просматривая реестр купленных мёртвых душ, Чичиков замечает информацию о сапожнике Максиме Телятникове и в размышлениях своих представляет возможный вариант его биографии: «...учился ты у немца, который кормил вас всех вместе, бил по спине ремнем за *неаккуратность* (курсив наш. – Д. Р.) и не выпускал на улицу повесничать, и был ты чудо, а не сапожник, и не нахвалился тобою немец» (VI, 136–137). Если в начале поэмы Гоголь утверждал *аккуратность* как национальную особенность немцев, то здесь он применяет прямо противоположное понятие по отношению уже к русскому характеру. Такая жёсткая оппозиция даёт основание полагать, что именно это различие в психологии представителей обоих народов Гоголь и считал наиболее существенным. Взглянем на дальнейшую судьбу Телятникова: он решает открыть собственное дело, «да не так, как немец, что из копейки тянется» (VI, 137).

В связи с последней фразой невольно вспоминаются отдельные моменты биографии самого

Чичикова (наставление отца, говорящего о копейке, самостоятельное накопление денег). Так есть ли что-то общее у главного героя поэмы с немцами? В одной из редакций поэмы автор прямо указывает на сходство: Чичиков постоянно стремился к своей цели и «в этом отношении он был сущий немец и одарен щедро той добродетелью, которой недостает у русского человека, именно, терпением» (VI, 569). В окончательном варианте Гоголь отказывается от такой характеристики и расставляет акценты по-иному: «...он показал терпенье, пред которым ничто деревянное терпенье немца, заключенное уже в медленном, ленивом обращении крови его» (VI, 238). Получается, что в этом своём качестве Чичиков даже сумел превзойти германцев.

Вернёмся, однако, к судьбе сапожника. Он набирает массу заказов, получает неплохие деньги, однако сапоги, наспех сделанные им из дешёвых материалов, вскоре приходят в негодность, и Максим остаётся ни с чем. Получается, что к краху его привела опять же собственная непоследовательность и *неаккуратность*. Не осознавая этого, Телятников винит во всём своего бывшего наставника вместе с его народом: «Нет, плохо на свете! Нет житья русскому человеку: всё немцы мешают» (VI, 137). Такое утверждение показательно для русского человека, склонного винить в своих ошибках всех, кроме себя самого. Однако это не просто «крик души». Это высказывание связано и с так называемым стереотипом представлений о «немецком засилье» в России. Между тем, несмотря на определённого рода жестокость в обращении с подопечными, мастер всё же умел направить энергию способного ученика в нужное русло. Можно сказать, что оба они дополняли друг друга, и результат совместного труда выходил отличным. Но так, увы, продолжалось недолго. Немец и русский оказались слишком разными, чтобы ужиться вместе. Так возможно ли всё-таки гармонично объединить немецкую *аккуратность* и русский талант? Гоголь пробует ответить на этот вопрос во втором томе «Мёртвых душ».

Полковник Кошкарев, в имении которого оказывается Чичиков, желает изменить весь уклад жизни на западный манер. В своё время на него произвело сильное впечатление то, что в Германии, где он стоял со своим полком, «дочь мельника умела играть даже на фортепиано» (VII, 63). По его мнению, «если только одеть половину русских мужиков в немецкие штаны, – науки возвысятся, торговля подымется и золотой век настанет в России» (VII, 63). Как пишет А. Х. Гольденберг, в портрете полковника, «в изображении бюрократической иерархии его “комитетов” <...> отражается культ внешней формы, лишенной какого бы то ни было жизненного содержания»¹². Такой формальный подход наблюдается и в стремлении полковника нарядить всех мужиков в немецкую одежду. Когда Чичиков оказывается в гостях у Платоновых, брат Василий сообщает ему диаметрально

противоположную точку зрения по поводу этого вопроса: русской хороша только тогда, когда одет в зипун и рубаху, но «как только заберется в немецкой сертук, станет вдруг неуклюж и нерасторопен, и лентяй, и рубашки не переменяет» (VII, 92). Сам факт наличия подобных рассуждений неслучаен. По мнению С. В. Оболенской, всевозможные размышления людей о судьбе «отечества, о характере и путях его развития были неизменно связаны с осмыслением роли немцев в России»¹³, так как они принимали самое активное участие в жизни страны. Однако и Кошкарев, и Василий Платонов смотрят на проблему комически поверхностно. Костюм – оболочка, за которой скрыто истинное содержание, он не может определить сознание того, кто в него «спрятан». Помещики, обманув себя, свели всё к форме.

В конце первого тома появляется птица-тройка. Ею управляет «не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит чорт знает на чем» (VI, 247). Гоголь вдохновенно пишет о том, что у Руси свой собственный путь.

Все упоминания о немцах и Германии в «Мёртвых душах» отчетливо свидетельствуют: немецкий этнос по-настоящему живо и пристрастно интересовал поэта. Разумеется, немцы и немецкая тема чаще всего появляются в поэме, чтобы оттенить устойчивые приметы русского характера. Но каждое прямое или косвенное упоминание о немцах, каждая гоголевская фраза, в которой о них говорится, заметно раздвигают авторский и, стало быть, наш читательский диапазон оценочных представлений о немецкой ментальности. Автор поэмы отдаёт немцам должное за их ответственность и аккуратность. Гоголь доносит до нас и расхожее, насмешливо-ворчливое и всё-таки в

глубине души доброжелательное, отношение к немцам жителей России первой половины XIX в.

Примечания

- ¹ Зеньковский В. Н. В. Гоголь // Гиппиус В. Гоголь ; Зеньковский В. Н. В. Гоголь. СПб., 1994. С. 205.
- ² Гоголь Н. Мертвые души // Гоголь Н. Полн. собр. соч. : в 14 т. М. ; Л., 1937–1952. Т. 6. С. 131. В дальнейшем все ссылки на сочинения Гоголя приводятся по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте.
- ³ Оболенская С. Германия и немцы глазами русских (XIX век). М., 2000. С. 14.
- ⁴ Манн Ю. Поэтика Гоголя. М., 1988. С. 109.
- ⁵ Филюшкина С. Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода) // Логос. 2005. № 4 (49). С. 142. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/49/06.pdf> (дата обращения: 12.12.2013).
- ⁶ Химик В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 25. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/khimik/ anecdote_02.html (дата обращения: 12.12.2013).
- ⁷ Филюшкина С. Указ. соч. С. 142.
- ⁸ Оболенская С. Указ. соч. С. 14.
- ⁹ Вайскопф М. Путь паломника. Гоголь как масонский писатель // Вайскопф М. Птица тройка и колесница души : Работы 1978–2003 годов. М., 2003. С. 114.
- ¹⁰ См. об этом: Гиппиус В. Гоголь. Воспоминания. Письма. Дневники. М., 1999.
- ¹¹ Филюшкина С. Указ. соч. С. 148.
- ¹² Гольденберг А. Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя. Волгоград, 2007. С. 75.
- ¹³ Оболенская С. Указ. соч. С. 10.

УДК 821.161.1.09-2+929 Салтыков-Щедрин

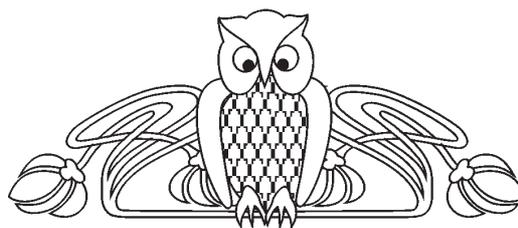
К ФАБУЛЕ ДРАМАТИЧЕСКОЙ САТИРЫ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «ТЕНИ». ИНТРИГА ШАЛИМОВА

К. М. Захаров

Саратовский государственный университет
E-mail: zahodite@list.ru

В статье предлагается новая трактовка организации фабулы и драматического конфликта в драматической сатире М. Е. Салтыкова-Щедрина «Тени». Двигателем сценической интриги, согласно гипотезе автора, является внесценический положительный герой Шалимов, который часто рассматривался литературоведами как «идеальный», далекий от действительности герой. В статье образ Шалимова исследуется с точки зрения политических интриг, в которые втянуты действующие лица пьесы. Также автором статьи выдвигается предположение о причинах внезапной утраты интереса М. Е. Салтыковым-Щедриным к этой пьесе.

Ключевые слова: русская драматургия, фабула, конфликт, М. Е. Салтыков-Щедрин, «Тени», интрига.

To the Storyline of M. Saltykov-Shchedrin's Dramatic Satire *Shadows*. Shalimov's Intrigue

K. M. Zakharov

This article offers a new view of the storyline and dramatic conflict in Mikhail Saltykov-Shchedrin's dramatic satire *Shadows*. According to the author's hypothesis, the driving force of the plot is an off-stage character Shalimov whom literary critics have often considered as an 'ideal', quixotic character. In the article Shalimov is analyzed from the point of view of political intrigues in which the characters of the play are involved. The author of the article also offers his idea